

**ПРОТИВ «РАЗЛОЖЕНИЯ СМЫСЛА»:
УЗНАВАНИЕ В СЕМАНТИКЕ ИДИОМ**
**AGAINST DECOMPOSITION OF MEANING:
RECOGNITION IN SEMANTICS OF IDIOMS**

*Баранов А.Н. (baranov_anatoly@hotmail.com)
Институт русского языка им. В.В.Виноградова РАН*

В докладе обсуждается проблема отражения в модели значения (в частности в толковании) образной составляющей семантики идиом. Предлагается для передачи внутренней формы использовать не атомистическую стратегию разложения смысла на более простые составляющие, а подход, основанный на узнавании и реконструкции образа по семантическому триггеру в толковании, инициирующему цепочку ассоциаций, которые порождают нужный образ.

1. Атомистический подход к значению

Основания современной лексической (шире – лингвистической) семантики, интересовавшие исследователей в шестидесятых-семидесятых годах XX в., дискуссии о семантических метаязыках описания за редкими исключениями канули в лету. Семантическая «технология» и неопозитивистские идеалы научности явственно уступают свои позиции изучению языкового факта, поддержанному теоретическими и практическими исследованиями функционирования языка в дискурсе, а также широким распространением когнитивной методологии, понимаемой зачастую чрезвычайно широко и неопределенно. Если и появляются новые идеи общетеоретического и методологического характера, то они носят явно вторичный характер к описанию языкового материала – ср., например, идею семантических «кварков», меньших, чем семантические примитивы, высказанную Ю.Д. Апресяном [Апресян 2004], или семантических «фотонов», сформулированную Е.В. Урысон [Урысон 2004]. Эти теоретические «бантики» – блики на фоне многоводной реки лингвистического факта – только подчеркивают красоту самой реки, которой нельзя не восхищаться.

Возникает ощущение достижения конечной истины в теоретических представлениях о сущности значения и семантики языковых форм. Выделение очередных «сверхбесплотных» и «серхминимальных» единиц семантического метаязыка только убеждает в окончательной победе атомистического подхода к исследованию плана содержания языковых выражений. Похоже, работа над созданием семантических метаязыков в русле исследований по машинному переводу, начатая в СССР 60-х гг. XX в., успешно завершена, по крайней мере, в России и, по крайней мере, в теоретическом аспекте.

Доструктуралистские теории о существовании связей между означающим знака и его планом содержания преодолены. Конечно, идея иконичности блуждает мелким соблазном (см. работы А.Е. Кибрика и Дж. Хэймана), да и критика Р. Якобсоном концепции произвольности знака Ф. де Соссюра имеет место, однако в целом атомистический подход к описанию семантики признается правильным и единственно научным.

В то же время именно обращение к языковому факту – к материи языка – порождает многочисленные вопросы к атомистической идее описания плана содержания, в основе которой лежит стратегия разложения интерпретируемого выражения на более простые – в идеале минимальные – смысловые единицы. Свидетельство недостаточности атомистического подхода накопилось довольно много. Основная сложность заключается в экспликации плана содержания недискретных феноменов языка – метафор (и значений, образованных на основе тропеических преобразований), слов с процедурной семантикой (в частности частиц), фразеологических единиц, актуальное значение которых возникло как результат переосмысления внутренней формы. Здесь я рассмотрю лишь одну из черных дыр атомистического подхода к значению – семантику идиом¹.

¹ О системно обусловленных проблемах атомистического подхода к значению см., в частности, [Баранов, Кобозева 1987], [Baranov 2007].

2. Семантические «триггеры» узнавания образа

Значение идиом с живой внутренней формой мотивировано образом, лежащим в ее основе. Например, идиомы *прикинуться ветошью* и *прикинуться шлангом* очень близки и по значению, однако их образы все-таки несколько различаются, и это оказывается достаточным для дифференциации их актуальных значений: метафора ветоши высвечивает в семантике идиомы идею незначительности и незаметности, которая, в свою очередь, вызывает к жизни идею непричастности к чему-то происходящему. Метафора шланга профилирует представление о сущности, легко меняющей свое положение под действием внешних сил и неспособной к мышлению. Отсюда и актуальные значения этих выражений:

прикинуться ветошью = 'пытаться своим поведением создать у других участников ситуации представление о собственной незначительности и непричастности к происходящему, чтобы избежать неприятных для себя последствий';

прикинуться шлангом = 'пытаться своим поведением создать у других участников ситуации представление о собственном непонимании чего-то очевидного и при этом нежелательного для субъекта'.

Типовая ситуация употребления идиомы *прикинуться ветошью* – это описание попытки уйти от опасности. Ср. *На всякий случай охранник упал, отполз в кусты и прикинулся ветошью*. В этом контексте идиома *прикинуться шлангом* явно неуместна: *На всякий случай охранник упал, отполз в кусты и прикинулся шлангом*.

Идиома *взлететь на воздух* в значении 'быть разрушенным или уничтоженным в результате воздействия каких-л. взрывчатых веществ' недопустима при описании террористического акта: взрыва самолета в воздухе (не дай бог!), поскольку во внутренней форме есть связь с «воздухом». При этом взрыв самолета на стоянке этой идиомой описать можно, хотя это и оказывается на грани нормы и приобретает уже черты игрового употребления: *Один из самолетов на стоянке при попытке разминирования взлетел на воздух*.

Совершенно прозрачное влияние внутренней формы на актуальное значение обнаруживается у пар идиом *помалкивать/молчать в тряпочку* и *помалкивать/молчать в портянку*². Обе эти идиомы описывают ситуацию вынужденного молчания человека из-за опасения возникновения каких-то проблем. Однако, если первая идиома относительно универсальна, то вторая используется, как правило, для описания ситуаций, связанных с отношениями между военнослужащими: *– Так блин, служивые, закрыть хлебало и молчать в портянку. Пока вы два года дурью маялись, мы на вас тут пахали*. В обычном контексте она выглядит несколько странно: *<...> какие же мы маленькие <...>. В прямом смысле слова. Самый рослый из нас, Пашка, на метр от земли возвышается, остальные вовсе воробьи. И сверху вниз взирают на карликов великаны. И карлики молчат в тряпочку/портянку, подавленные своей ничтожностью и бессилием*. [Ю. Нагибин. Бунташный остров]. Часть образа «портянка» недвусмысленно отсылает к реалиям армейского быта, причем живость образа ограничивает сферу употребления идиомы.

Подобные примеры легко умножить³. Насколько аналитическая часть толкования эксплицирует вклад образной составляющей идиомы в ее семантику? В какой-то степени это можно сделать, отразив те семантические следствия, которые профилируются соответствующей метафорой: в приведенных выше моделях значения⁴ идиом *прикинуться ветошью* и *прикинуться шлангом* воспроизводятся следствия из метафоры ветоши как чего-то ненужного и незначительного ('представление о собственной незначительности и непричастности к происходящему') метафоры шланга как чего-то податливого и лишённого даже минимальных признаков мышления ('представление о собственном непонимании чего-то очевидного'). Что касается метафор тряпочки и портянки в идиомах *помалкивать/молчать в тряпочку* и *помалкивать/молчать в портянку*, то с этим совсем плохо. Актуальные значения указанных единиц совпадают: 'не высказывать своего мнения по какому-л. поводу, поскольку это может повлечь неприятные последствия', а образ в виде следствия из метафоры здесь отразить трудно. Конечно, ограничение на употребление идиомы *помалкивать/молчать в портянку* можно грубо ввести в форме 'используется для описания ситуаций, связанных с отношениями между военнослужащими', но понятно, что и по стилю, и по сути это, скорее, комментарий к толкованию, чем само толкование. Между тем, образ, метафора, лежащая в приведенных примерах идиом за актуальным значением, явственно ощущаются носителями языка. Это проявляется, например, в целенаправленном обыгрывании этих образов, в частности в материализации соответствующих метафор. Ср. – *Возьми, голубь, тряпицу и молчи в нее!*; – *Солдат, как печенье? Добавить зубной пасты? Не вопрос! А ты, солобон, рта не раскрывай. Молчи в портянку! Своей не хватает, вот тебе моя!*

Описание метафоры во внутренней форме едва ли можно свести к аналитическому описанию ее области

² Толкования данных идиом – Баранов А.Н., Добровольский Д.О.

³ Цельный ряд примеров такого рода приводится в [Баранов, Добровольский 1998].

⁴ Здесь и далее термин «модель значения» используется как более общая категория экспликации семантики языкового выражения по сравнению с толкованием. См. по этому поводу [Баранов 1996; Баранов, Добровольский 2008].

Против «разложения смысла»: узнавание в семантике идиом

источника и области цели. Метафора должна быть представлена в модели значения как нечто цельное – единый образ, целостный гештальт, неразложимый на отдельные составляющие. Для этого естественно обратиться к другой стратегии толкования, основанной не на разложении смысла, а на его **узнавании** как концепта, уже имеющегося в сознании носителя языка. Именно в этом случае появляется возможность апеллировать к метафоре, к образу, как к единому гештальту. Такая стратегия толкования должна основываться не на аналитическом описании метафоры, а на намеке, на «триггере», спускающем крючок ассоциаций, приводящих к нужному образу. Здесь уместно предложить аналогию угадывания слова в кроссворде: именно так может быть устроен триггер-намеки. В случае идиомы *прикинуться илангом* метафору можно отразить в деепричастном обороте, вводимом оператором ‘как бы’, который переводит последующую часть семантической экспликации в возможный мир: ‘пытаться своим поведением создать у других участников ситуации представление о собственном непонимании чего-то очевидного и при этом нежелательного для субъекта, как бы выдавая себя за неодоушевленный объект, априори не обладающий способностью к мышлению и лишенный собственной воли’. Здесь намек обеспечивается родовым обозначением (‘неодоушевленный объект’) и указанием свойств, профилирующих один из коммуникативных центров актуального значения – ‘непонимание субъектом чего-то очевидного’. Шланг, конечно же, «не понимает», но «способен сделать» так, как скажут, поскольку не имеет собственной воли. Отсюда слабое семантическое следствие притворной готовности изменить поведение. Это следствие, однако, слишком слабое, чтобы быть эксплицитно представленным в толковании, хотя оно относительно легко реконструируется в результате сопоставления собственно аналитической части толкования и «компонента узнавания» - семантического триггера, передающего образ идиомы.

Родовой триггер, хотя и более высокой степени абстракции, лежит в основе представления образа и в идиоме *прикинуться ветошью* = ‘пытаться своим поведением создать у других участников ситуации представление о собственной незначительности и непричастности к происходящему, чтобы избежать неприятных для себя последствий, как бы выдавая себя за что-то неодоушевленное – незаметное и никому не нужное’.

В самом простом случае семантический триггер образа может быть упрощенным толкованием слов, передающих образ во внутренней форме. Ср. модель значения идиомы *обивать пороги*: ‘много раз безуспешно приходиться в какое-л. учреждение с просьбой о чем-л., что осмысляется как многократное вхождение в помещение, сопровождаемое задеванием за нижнюю часть дверной коробки’. По этому же принципу организован триггер в идиоме *будь друг(ом)*: ‘выражение настоятельной просьбы собеседнику сделать что-л. в форме предложения начать испытывать дружеские чувства к просящему’. Казалось бы, использование аналитического толкования для семантического намека на образ противоречит исходной посылке об использовании стратегии узнавания смысла, однако это не так. Узнавание образа происходит в этом случае по его следам – компонентам семантического разложения, а «толчок» к узнаванию дает соответствующий оператор, вводящий семантический триггер – ‘осмысляемый как’, ‘ассоциируется’, ‘уподобляется’, ‘в форме/имеющий форму’, ‘как бы + деепричастный оборот’, ‘описывается’, ‘сопоставляется’ (об операторах такого типа в модели значения идиомы см. подробнее [Баранов, Добровольский 1998; 2008]). Использование родового триггера (см. выше случаи идиом типа *прикинуться ветошью*) по сравнению с более или менее подробным толкованием является более сложным намеком на образ, поскольку данных для реконструкции образа родовой триггер несет существенно меньше.

Семантический триггер, ведущий к распознаванию образа, может быть и совершенно иной природы. В тех случаях, когда образ в идиоме мотивирован прецедентным текстом или культурной реалией, триггер может иметь форму отсылки к соответствующему культурному феномену, ср. модель значения идиомы *бальзаковского возраста*, в которой семантический триггер вводится оператором ‘осмысляемый как’: ‘женщина среднего возраста или несколько старше, сохранившая привлекательность, демонстрирующая интерес к мужчинам и пользующаяся у них успехом, осмысляемая как женский персонаж произведений О. де Бальзака’. Аналогично, хотя и с другим оператором, представлен семантический триггер образа в значениях идиомы *богатенький Буратино*: 1) ‘разбогатевший человек, имеющий возможность неразумно тратить деньги на свои прихоти, уподобляемый известному непослушному герою сказки А.Н. Толстого, часто совершавшему ошибочные поступки»; 2) ‘богатый человек как объект возможных действий по отъему денег или другого ресурса, уподобляемый известному герою сказки А.Н. Толстого, обманутому разбойниками’. Отметим, что два значения идиомы *богатенький Буратино* появляются в результате коммуникативного высвечивания различных сторон персонажа-источника: «свойственное Буратино непослушание vs. Буратино как жертва обмана».

Внутренняя форма многих идиом абсурдна в том смысле, что она основывается на случайном фонетическом сходстве двух слов, одно из которых соответствует какому-то компоненту актуального значения, а второе – кладется в основу образа. Семантический триггер толкования должен включать указание на это фонетическое сходство. Ср. *завтраками кормить (кого-л.)*: ‘регулярно обещать кому-л. сделать что-л. в ближайшем будущем – чаще на следующий день – и не выполнять обещанного, что осмысляется как регулярно повторяющаяся неуместная попытка обещающего организовать утренний прием пищи, причем такое осмысление мотивировано фоне-

тическим сходством слов «завтрак» и «завтра», последнее из которых намекает на типичную попытку отказаться от выполнения обещания, перенеся свою деятельность по выполнению обещанного в будущее'. Ср. также толкование речевой формулы [- Ну?] – *Баранки гну!*: 'оценка неуместности речевого поведения собеседника как ответная реакция на его реплику, содержащую частицу «ну» и настоятельно и, тем самым, невежливо побуждающую говорящего сделать что-л., в форме указания на собственную занятость абсурдным действием придания круглой формы одному из видов хлебобулочных изделий, уже имеющему круглую форму, причем выбор названия действия определяется исключительно тем, что оно рифмуется с первой репликой собеседника и тем самым утрированно имитирует его речевое поведение'. Имитация фонетической основы внутренней формы может относиться не только к фонетическому сходству, но и к особенностям говорения в той или иной ситуации. Ср. *Хватай мешки/узлы – вокзал отходит*: 'указание на необходимость быстро и не раздумывая сделать что-л. из-за опасности опоздания и возникновения из-за этого серьезных проблем, выраженное в форме призыва, быстро взять вещи, немедленно садиться на поезд, причем в призыве, имитирующем спешку и волнение говорящего, слово «поезд» перепутано со словом, обозначающим место прихода и отправления поездов'.

Перечислить все типы семантических триггеров, создающих эффект узнавания образа, не представляется возможным просто потому, что описание фразеологии в этом направлении только началось⁵. В определенной степени они связаны с типом оператора, вводящим семантический триггер. Для правильного выбора и формулирования семантического триггера важным оказывается и сам образ – модель внутренней формы, чаще всего это – метафора, лежащая в основе актуального значения идиомы.

3. Модели внутренней формы идиомы

Способ указания на актуальное значение, фиксированный во внутренней форме идиомы, можно назвать **моделью внутренней формы**. Значительная часть моделей внутренней формы основана на метонимии, понимаемой в широком смысле. В **метонимических моделях** во внутренней форме фиксируется часть процедуры, действия, общей ситуации, хотя имеется в виду целое – вся процедура, все действие, вся ситуация. Указание в метонимических моделях может основываться на описании невербального поведения, часто представленного в ритуализованных процедурах выражения соответствующей коммуникативной интенции (в том числе на жесте): *поклониться в ноги/ножки*⁶; *памятник поставить*; *бить поклоны*; *склонить голову*; *[взять] под козырёк*; *ударить по рукам*; *по рукам*; *щёлкать каблуками*; *повернуться лицом (к кому-л./чему-л.)*; *во фронт*. Метонимическими можно считать и такие модели, в которых фиксируются характерные признаки ситуации, связанной с выражаемой коммуникативной интенцией, ср. *семь футов [воды] под килем*; *барабан на шею, флаг в руки*. Метонимическими по природе являются модели, основанные на псевдоисчерпании⁷, ср. *ни сват ни брат*; *ни кола ни двора, чтоб ... стоял и деньги были*. К метонимическим моделям относятся также такие способы указания на актуальное значение, которые предполагают выбор одного из элементов некоторой последовательности или процедуры: *до гробовой доски*, *по гроб жизни*, *до гроба/могилы*, *с/от младых/молодых ногтей*, *со школьной скамьи*.

Синонимическая модель характеризуется тем, что в качестве указания на актуальное значение используются два квазисинонима: *целиком и полностью*, *любо-дорого смотреть/глядеть*, *чин-чинарём*, *чин-чином*.

Довольно часто во внутренней форме идиом встречается **модель множества**. Она часто реализуется как отрицание наличия даже одного элемента некоторого множества: *ни звука*, *ни пылинки/соринки*, *ни копейки/гроша*, *ни души*, *ни капли*, *ни грамма*, *ни крошки*, *ни грамма*, *ни грана*, *ни на йоту*. Отрицание может отсутствовать, что приводит к модификации актуального значения в противоположную сторону – *до копейки*. Модель множества может реализоваться и в ровно противоположной стратегии, когда во внутренней форме указывается на все множество (*всем миром*); все множество и каждый из его элементов (*всем и каждому*; *все и каждый*; *ты да я, да мы с тобой*); все множество и отдельный его элемент (*все до последнего*, *все до единого*) или несколько разных множеств (*все/всё и вся*). Множество может задаваться последовательным перечислением (*по капле*, *шаг за шагом*, *капля за каплей*, *день ото дня*, *изо дня в день*), представляться формулой, полностью исчерпывающей его содержание – **модель взаимодополняющих подмножеств** (*душой и телом*), множество может указываться по своим крайним членам (*от А до Я*, *альфа и омега*, *[и] стар и млад*, *от мала до велика*, *[и] нашим и вашим*). С моделью множества тесно связана **модель счета** элементов множества: *потерять счёт*, *для ровного/круглого счёта*, *сбиться со счёта/счёту*, *ровным счётом*, *не в счёт*, *сбрасывать со счёта/счетов*, *поставить*

⁵ Первый словарь идиом, передающий в толкованиях образный компонент на основе стратегии узнавания, уже создан, но пока не опубликован, см. [Баранов, Вознесенская, Добровольский, Киселева, Козеренко в печати]. Некоторые приводимые здесь толкования идиом использованы в этом словаре.

⁶ Валентности идиом здесь и далее для простоты опущены.

⁷ О псевдоисчерпании как характеристике идиоматичности см. [Баранов, Добровольский 2008].

Против «разложения смысла»: узнавание в семантике идиом

на счётчик; на раз, на счёт раз; в два счёта.

Модель пространства близка модели множества в том смысле, что пространство можно осмыслять как множество точек на поверхности. Модель пространства представлена такими частными моделями, как **иерархическое пространство** (на край света, край земли; на краю земли; на край земли), **неиерархическое пространство** (вдоль и поперёк, от края [и] до края), **отрицание конечной точки/области пространства** (без конца и без края, конца-края нет, ни конца ни края). **Модели времени** также концептуально близки модели множества, поскольку моменты времени естественно осмысляются как элементы упорядоченного множества (кортежа). Ср., например, указание на начальный и конечный момент некоторой временной последовательности (от зари до зари; от темна до темна; с утра до вечера/ночи), описание взаимодополняющих интервалов общего временного интервала (денно и ночью, день и ночь, днями и ночами, днём и ночью).

Образная часть семантики идиомы часто основывается на сравнении. **Модель эксплицитного сравнения** широко представлена в русской идиоматике. Ср. идиомы как *снежный ком*, как по команде, как с куста, [как] по мановению волшебной палочки, [как] по мановению руки, лететь... как на крыльях, нестись... как сумасшедший, бежать как крысы с [тонущего] корабля, стоять/сидеть... как истукан ми т.д. Эта модель может использоваться для указания на самые различные смыслы – ‘быстро’ (как из пушки, как штык), ‘много/тесно’ (как сельди в бочке; как кильки в банке/бочке), ‘медленно’ (ползти... как черепаха), ‘неожиданно’ (как чёртик/чёрт из табакерки), ‘окончательно/полностью’ (разойтись как в море корабли). Внутри этой модели можно выделить **модель притворного сравнения**, которая часто реализуется в идиомах для кодировки смысла ‘ненужности’. Ср. [нужен] как зайцу стоп-сигнал/бубен/триппер/модная болезнь/колокольчик...; [нужен] как козе баян; нужен как пятое колесо в телеге; нужен как попу гармонь; нужен как рыбе зонтик и т.д.

В русской идиоматике представлены и другие модели внутренней формы. В данном случае существенно, что модель указания на актуальное значение может рассматриваться как важная эвристика для выбора семантического триггера, включающего цепочку ассоциаций, которые порождают нужный образ. Например, **модель семантически немотивированного фонетического уподобления** основана на случайном фонетическом сходстве лексического компонента реплики собеседника и компонента ответа говорящего. Она используется для указания на неуместность речевого акта собеседника. Ср. речевые формулы [- Ну?] – Дышло гну; [- Кто?] – Дед пихто; [- Почему?] – По кочану; [- Где?] – В Караганде; [- Кто?] – Конь в пальто; [- Говорят.] – [Где-то] кур доят. Намек на образ в толковании таких форм должен во всех случаях содержать указание на фонетическое сходство. См. выше толкование речевой формулы [- Ну?] – Баранки гну!. Ср. также [- Где?] – В Караганде: ‘оценка как неуместного вопроса собеседника о местонахождении кого-л./чего-л. в форме ответа, указывающего на город, название которого рифмуется с вопросительным словом вопроса собеседника «где», а также с конечной частью нецензурного слова, часто используемого в ответной реплике с похожим значением’. Последний компонент толкования отражает стилистический статус данной речевой формулы как эвфемизма.

В семантических триггерах толкований идиом дырка от бублика и от жилетки рукава [получить...] (**модель несуществующей части объекта**) должно указываться, что в метафоре происходит сравнение с чем-то несуществующим⁸:

дырка от бублика = ‘полное отсутствие ресурса как результат его несправедливого распределения, сопоставляемое с несъедобной – и более того, **нематериальной** – частью хлебобулочного изделия, при том что другим досталась съедобная’;

от жилетки рукава [получить...] = ‘не получить ничего от ожидавшегося ресурса из-за его несправедливого распределения, что осмысляется как получение **несуществующей** части чего-л.’

4. Заключение

Узнавание смысла по «намеку» в модели значения (как техника толкования) вряд ли может использоваться в словарях, предназначенных для обучения языку. Этот способ экспликации смысла подойдет только носителям языка, погруженным в соответствующий языковой и культурный контекст. Но это одновременно отражает и объективные сложности в освоении фразеологии неносителем данного языка. Очевидно, что идиоматика усваивается существенно позже на достаточно солидном базисе более простых языковых форм. Стратегия узнавания как способ экспликации семантики применима только к таким языковым выражениям, актуальное значение которых возникает на основе метафорической переинтерпретации, к «недискретной семантике», так или иначе связанной с образом.

Данная работа, разумеется, полемична. Я ни в коей мере не выступаю за полную аннигиляцию атомистического подхода к плану содержания языковых выражений с торжественным выносом и погребением его теоре-

⁸ Толкования данных идиом – Баранов А.Н., Добровольский Д.О.

тических положений. Меня смущает, во-первых, широкое обсуждение теоретических основ семантики – в том числе семантики естественного языка – в современной логической и философской литературе (в этих многочисленных феноменологических, ситуационных, прагматических и пр. семантических теориях⁹) при явно недостаточном внимании к основаниям семантической теории в отечественной лингвистике. Во-вторых, мне кажется чрезвычайно важным рассмотрение сложностей экспликации семантики «недискретных семантических феноменов» (к которым относится метафора и, конечно, образная часть плана содержания фразеологизмов) при использовании имеющихся семантических метаязыков. Наконец, в-третьих, применение атомистических техник к анализу идиом, предполагающих разложение целого на простейшие семантические компоненты, ассоциируется у меня с взрывом семантики идиомы с последующей попыткой установить по уцелевшим кускам, как она устроена.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Акциональность и стативность как сокровенные смыслы (охота на оказывать) // Сокровенные смыслы. М., 2004.
2. Баранов А.Н. Служебные слова как объект исследования авторской лексикографии (по крайней мере vs. по меньшей мере в художественных текстах Ф.М. Достоевского) // Слово Достоевского. М., 1996
3. Баранов А.Н., Вознесенская М.М., Добровольский Д.О., Киселева К.Л., Козеренко А.Д. Малый фразеологический словарь: Значение, образ, употребление // под ред. А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского. (в печати)
4. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Внутренняя форма и проблема толкования // Изв. РАН. СЛЯ. Т.57, № 1, 1998. С. 36-44.
5. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. М., 2008 [в печати].
6. Баранов А.Н., Кобозева И.М. Метаязыковые средства описания семантики предложения: опыт типологии // Лингвистическое обеспечение информационных систем. М., 1987.
7. Урысон Е.В. Некоторые значения союза А в свете современной семантической теории // Русский язык в научном освещении. 2004. № 2.
8. Baranov A.N. The problem of the metalanguage // Phraseologie: ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung / ed. by H. Burger [et al.]. Walter de Gruyter, Berlin, N.-Y., 2007. P. 77-90.
9. Dummett M. The Seas of Language. Oxford: Clarendon Press, 1993.
10. Dennett D. Evolution, Error and Intentionality // Sourcebook on the Foundations of Artificial Intelligence, in Y. Wilks and D. Partridge, eds, New Mexico University Press, 1988.

⁹ Достаточно посмотреть лишь пару работ в этой области – например, [Dummett 1993] или [Dennett 1988], чтобы понять, что поднимаемые там вопросы имеют прямое отношение к лингвистической семантике.